

Сорокети Вахтанг
г. Южно-Сахалинск

«СОВЕТСКИЙ САХАЛИН»

ПОЛПРЕДЫ СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

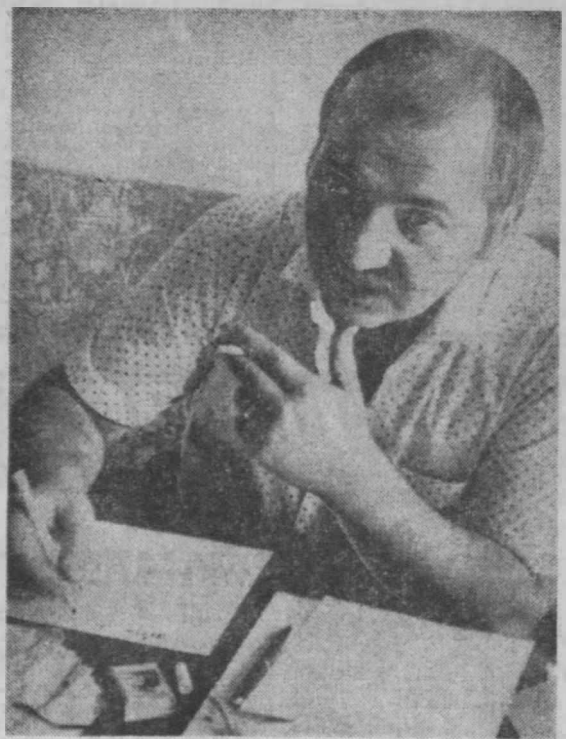
— Мы побывали во многих странах мира. Самые далекие из них — Мексика и Владивосток.

Зал моментально откликнулся на шутку и, затая дыхание, приготовился слушать. Народный артист СССР Рамаз Чиквадзе с неподражаемым мастерством рассказчика, темпераментом большого артиста и юмором человека, знающего цену тонкой шутке, описывал эпизод из гастрольной поездки... Тишины, подарившейся, как только Рамаз Григорьевич поднялся со своего места, не было и в помине — зал умирал от хохота.

А, дочеро...
Вечером этот замечательный артист потрясал силой эмоционального воздействия в знаменитом спектакле «Ричард III», завоевавшем признание чуть ли не всего театрального мира, и первую очередь в Англии, где Шекспира не просто читают, но читают и играют с детства.

Невозможно забыть его лже-маску, но незабывающую, а живую, ежеминутно меняющуюся, в которой с необычайной силой отражаются все темные страсти души злодея, влущего к королевской короне по трюмам друзей и недругов. Но Рамаз Чиквадзе играет не злодейство — лиризм: «Быть королем? Да я скорей в разномыслии похвляю. И при этом повадки и жесты хищной птицы, выжидающей подходящего момента для нападения на очередную жертву. Он играет не знающую предела наглость, ибо с нас одна лишь совесть — наша сила, а когда с помощью силы короля венчают, лавником, его голову, в зловещем обличье Ричарда III, появляющегося в кожаном пальто и в ботинках, звучат восторженные ноты. Это не удовлетворение достигнутого, но и не раскаяние, хотя его и мучают тени убитых (вся сцена заполняется мерно шагающими фигурами в белых балахонах, и с каждым «маршем» их все больше). Это — безразличность к страх перед будущим: власть, завоеванная ценой, не долговечна...

— Мы показываем зрителям своего Шекспира, — рассказывает главный режиссер Грузинского государственного театра имени Акакии Цуцубидзе, народный артист СССР и Грузинской ССР Роберт Роберт-

ovich Стуруа. — Такого, каким был его видный и понимающий сегодня, я думаю, это не противоречит Шекспиру. Не случайно же в «Антонии и Клеопатре», например, его герои играют в бильярд, а Глоустер в «Короле Лире» носит очки, ведь в те времена люди немножко дальше по пути, намеченному самим драматургом. Кроме того, двадцатый век — зряя иллюстрация пагубных последствий — мировой власти, сосредоточенной в руках немногих. В то же время мы постарались уйти от конвенционных ассоциаций — канонизации, а историю в Ричарде разыгрывали бродячие актеры шекспировских времен...
Полотняный балаган, в котором происходит действие, густо населенное лицо, в духе средневековых представлений, королевы Маргариты; трагическая фигура шута, вторгающегося в действие, — не просто дань эпохе. В стилистике спектакля нетрудно увидеть своеобразный сплав площадного

театра масок, реалистического, даже психологического театра и романтического, идущего от высокой трагедии.

Это соединение того, что в других спектаклях оказалось бы несоединимым или неоправданным, — отличительная черта образного мышления Стуруа-режиссера, и в то же время качество, присущее национальному грузинскому театру. Достаточно вспомнить деятельность реформатора грузинской сцены Котэ Марджанишвили, возглавившего театр имени Руставели в двадцатые годы, мечтой которого был «синтетический» театр. «Весь мир лицеведствует», — гласила надпись над входом в «Глобус», для которого Шекспир писал свои комедии, трагедии и хроники. «Сама жизнь синтетична», — замечает Роберт Стуруа, в чьих спектаклях актеры с одинаковой легкостью поют, танцуют, разыгрывают лаятому.

— Музыкальность, пластичность, — поясняет режиссер, — врожденные черты грузинского народа, качества, которые наш театр старается не только использовать, но и развить в артистах. Все наши спектакли очень музыкальны, музыка во многих написана народным артистом Грузии, композитором Гия Канчели.

Неудивительно, что творческому почерку режиссера оказался близок рациональный театр Брехта с его подчеркнутой театральностью, обращением к разуму зрителей, от которых требуется не сопереживание, а осмысление происходящего. («В Грузии ходят в театр не для того, чтобы увидеть жизнь, а для того, чтобы осмыслить ее», — заметил Стуруа). И режиссер разрушает иллюзию достоверности сценического действия. В «Кавказском меловом круге» — спектакле не менее знаменитом, чем «Ричард III», тишину искать, скажем, черты грузинского быта. И не только потому, что Брехт рассказывает притчу о двух матерях, весьма условно избрав местом действия Кавказ. Перед нами реальность, причудливо измененная фантазией режиссера.

Розовые багетные туфельки вполне «реалистически» служат, сопровождающих котляску с высокородным наследником; муляж лошади с железными прутьями ребер, на котором

появляется Вестник: густо набеленное лицо Носифа, соображающего «утирать», дабы избежать призыва на войну... Столь много блестящих, расписанных спектаклей где-то в лагуне улыбок, где многозначительным намеком, где пародийной, а то и трагической нотой влились лирические вздохи.

Вот, крепко прижав ребенка, которого спасает от гибели, простая девушка Груше пробирается в горы.

Сзади погоня, спереди — опасность. Мгновенье — и Рассказчик, исполняющий зонта и комментирующий текст, бросает ей спасительную нить — шнур микрофона. Она балансирует по полу, словно по проволоке, держа натянутый над «обрыном» шнур на уровне плеча...

Несколько лет назад менсиканская газета «Эксельсиор» писала: «Казалось, что стены театра вот-вот обрушатся. В течение 17 минут публичная стоя бешено аплодировала актерам грузинского советского театра имени Руставели. За пять лет своего существования фестиваль имени Сервантеса не повидал подобного восторга зрителей. «Играли «Мачеху Саманшвили» — пьесу классика грузинской литературы Давида Киднашвили. Сцена была превращена в музей, где по ходу объяснений ведущего экскурсанты, используя экспонаты, как режиссер и одежду, разыгрывали историю, случившуюся когда-то в бедной грузинской семье».

Вспоминая эту работу, режиссер рассказывает не о Мексике. Ему, видевшему огромный успех на разных континентах, дорожа спонтанным, сгруппированным в маленьком грузинском селе Симонети, во дворе мемориального музея Киднашвили, прямо под открытым небом. Но это было небо Грузии. И это были зрители, которые не нуждаются в переводе. Тем более, что история, описанная драматургом, по традиции, случилась когда-то в их местах.

Дальневосточные гастролы театра посвящались 200-летию присоединения Грузии к

России и 80-летию образования СССР. Сюда, в Хабаровск и Владивосток, коллектив прибыл после очередных гастролей в Мексике. Есть глубокий смысл в том, что грузинский театр, мастерство которого расцвело в братской семье народов СССР, представляет наше искусство за рубежом. И в том, что его режиссер, которого приглашают для постановки спектаклей в разные страны мира, знакомит зарубежных зрителей с мировой, русской и советской классикой. В Дюссельдорфе он ставит «Бешеные деньги» Островского и считает его одним из лучших своих спектаклей. Там же готовится постановка комедии Шекспира «Как вам это понравится» и «Бани» Маяковского. Кстати, воплотить на сцене драматургии Маяковского — его давняя мечта. В самом театре юбилей страны будет отмечен постановкой «Короля Лира» Шекспира и новой пьесы Е. Ибрагимбекова «Похороны в Калифорнии».

Прошу Роберта Робертovich написать несколько слов сахалинцам. Он берет лист бумаги, некоторое время думает и выводит первые слова по-грузински...

«Читателям газеты «Советский Сахалин». Дорогие друзья, желаю успехов, здоровья и мира. Если нам вновь выпадет счастье побывать на Дальнем Востоке, мы обязательно приедем и вам — это наша мечта. Печально, что мы не сможем присутствовать на вашем празднике, но с большим уважением 100-летний театр имени Шота Руставели приветствует 100-летие города. Примите наши теплые поздравления. От имени театра Руставели — Р. Стуруа».

В. КАМЕНЕЦКИЙ,
Владивосток,
Южно-Сахалинск.
Фото И. Гусева.

გამოიწიეთ სიხარული
მეგობრებო.
ძვირფასო მეგობრებო! გიყვარვით
ბერძენებს, უძველესებს და მჭირებს.
აუ ჰყვარვართ გსვამთ ბერძენებსა და
უძველესებს. მჭირვართ მძიმეებთან
მყვარებართა და მჭირვართა, — ეს ჰყვარ
თქვენსა. სიხარულითა იმად ვინ მიყვარებთ
მჭირებს მძიმეებთანა. 100 წლისაა ხალა-
ვართა და 100 წლისაა ქართლსა. მჭირვართა.
ჰყვარ ვართადრთა მჭირვართა
ხალაპირთა და უძველეს სიხარულითა ზ. სტურუა.